

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
LAW
УДК 341

**Инклюзивное образование с точки зрения
международного права прав человека**
**INCLUSIVE EDUCATION FROM THE PERSPECTIVE
OF INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS LAW**

ГАРАНИНА И.Г., канд. юрид. наук, PhD, доцент, Университет управления «ТИСБИ»

Тел.: 8(962)561-90-01

E-mail: *ilneza@mail.ru*

ДМИТРИЕВА Ю.Л., Университет управления «ТИСБИ»

E-mail: *hjl.111182@mail.ru*

GARANINA I., PhD in Law, docent, the University of Management «TISBI»

Тел.: 8(962)561-90-01

E-mail: *ilneza@mail.ru*

DMITRIEVA J., the University of Management «TISBI»

E-mail: *hjl.111182@mail.ru*

Аннотация

Данная статья раскрывает вопросы инклюзивного образования в сфере международного права прав человека. Авторы затрагивают процесс реализации инклюзивного образования с учетом положений Конвенции ООН о правах ребенка (1989).

Abstract

This article reveals the issues of inclusive education in the field of international human rights law. The authors touch upon the problem of an implementation of inclusive education, taking into account the provisions of the UN Convention on the Rights of the Child (1989).

Ключевые слова: *инклюзивное образование, международное право прав человека, право на образование, дети-инвалиды.*

Key words: *inclusive education, international human rights law, right to education, disabled children.*

Необходимость изменений говорит о растущем международном интересе к инклюзивным образовательным учреждениям, которые приветствуют всех детей, независимо от их потребностей и возможностей.

Исходя из принципов прав человека, международно-правовые акты находят отражение в дискуссиях, совещаниях и развитии безотлагательного императива прекращения сегрегации в отдельных образовательных учреждениях для лиц с ограниченными возможностями или тех, кто испытывает трудности в обучении.

Основные элементы реформ с точки зрения международного права прав человека:

■ Включение вопросов инклюзивного образования, в первую очередь, не в сам процесс образования или профессиональную область, а в сферу основных прав человека без какой-либо дискриминации.

■ Права детей должны преобладать над выбором родителей.

■ Голоса взрослых инвалидов и детей должны играть ключевую роль в развитии интеграции.

Несомненно, что все дети имеют право на образование. За последние годы появилось огромное число крупных международных документов, подтверждающих принцип инклюзивного образования, а также важность работать в направлении обучения всех (без различия) с учетом индивидуальных потребностей» (Саламанкская декларация о принципах, политике и практических действиях в сфере образования лиц с особыми потребностями, 1994 г. (далее – Саламанкская декларация)) [2].

Конвенция ООН о правах ребенка (1989), Стандартные правила ООН по обеспечению равных возможностей для инвалидов (1993) и Саламанкская декларация – это инструменты в борьбе за отмену сегрегации образования, которая отрицает право детей с ограниченными возможностями быть частью основного образования и укрепляет предрассудки общества и дискриминацию против них. Эти документы, которые вместе составляют веские основания для регулирования инклюзивного образования, предоставляют уникальную возможность поставить вопрос имплементации положений инклюзивного образования на повестку дня национальных правительств.

Права, закрепленные в Конвенции ООН, применимы ко всем детям без дискриминации, включая право на образование на основе равных возможностей. Данное правило требует, чтобы государства-участники обеспечили образование для людей с ограниченными возможностями в интегрированных структурах. Саламанкская декларация самым недвусмысленным образом указывает об обязанности обычным школам принимать всех детей, независимо от их физических, интеллектуальных, эмоциональных, социальных, языковых или других требований.

Рэйчел Херст, председатель Европейского отдела Международной организации инвалидов, отмечает в отношении имплементации международно-правовых актов, которые будут использоваться на местном и национальном уровне: «Мы должны пройти каждый дюйм пути, поощряя органы образования, школьные учреждения, учреждения высшего образования, политиков, правительства, родителей и людей с ограниченными возможностями, чтобы они работали. Детям-инвалидам, молодежи и взрослым не должно больше быть отказано в праве быть полноправными и равноправными гражданами в их собственных странах» [3].

Согласно международному праву прав человека, дети-инвалиды не должны быть исключены из обычных образовательных учреждений и общественных институтов и отделены от всех на основании их инвалидности. Инклюзивное образование, утверждает Питер Ньюэлл, «не является образовательным или профессиональным вопросом, это вопрос соблюдения прав человека» [5]. Споры об инклюзивном образовании слишком часто тонут в дискуссиях о подробной образовательной политике, о профессиональных ролях и обязанностях. Конечно, эти вопросы тоже актуальны при реализации инклюзивных стратегий в области образования, но факт остается фактом, что дети с ограниченными возможностями сталкиваются с дискриминацией чаще.

Сама по себе Саламанкская декларация поддерживает эту точку зрения прав человека, утверждая, что «инклюзивное образование и инклюзивное участие необходимы для реализации уважения человеческого достоинства и прав человека». Саламанкская декларация и Конвенция ООН о правах ребенка дают четкое понимание того, что международно-правовые стандарты в сфере инклюзивного образования следует рассматривать как международно-правовые стандарты в области прав человека.

Конвенция ООН закрепляет много положений, относящихся к борьбе за инклюзивное образование. Томас Хаммарберг, бывший вице-председатель Комитета ООН по правам ребенка, видит документ как «не просто список минимальных требований. Декларация пытается сформулировать положение, отношение, философию по отношению к детям. Эта философия, полагает он, имеет два основных направления: «Каждый ребенок уникален в своих интересах, способностях и потребностях»; и «Каждый ребенок имеет возможность пользоваться своими правами без какой-либо дискриминации» [2]. Конвенция ООН 1989 г. утверждает, что дети – это лица, имеющие право чувствовать самостоятельно.

Права детей-инвалидов изложены в ст. 23 Конвенции ООН и напоминают политикам и другим лицам, принимающие решения, что каждый ребенок с инвалидностью имеет право на образование и не должен быть исключен из данного процесса по какой-либо причине и/или признаку дискриминации. Данное положение толкуется в свете ст. 2, которая гласит, что все права распространяются на всех детей без дискриминации. Другими словами, ст. 23 поддерживает ст. 2, но не заменяет ее и служит признанием того факта,

что дети с ограниченными возможностями зачастую исключаются из обычного образовательного процесса.

Продолжается сегрегация детей и взрослых с ограниченными физическими возможностями, что совершенно неприемлемо в гражданском обществе, которое не терпит разделения по признаку расы или пола. Детей, не являющихся инвалидами, и детей-инвалидов часто разделяют, и, как результат, все мы страдаем от предрассудков, увековечивавших разделение.

Существует удручающая тенденция использования своеобразного языка, который заставляет нас чувствовать себя более комфортно при нарушении прав человека. Легче говорить о «специальном» образовании, а не допускать мысли о реальной «обязательной сегрегации». Мы все хотели бы чувствовать себя «особенными», что заставляет нас чувствовать себя хорошо, но дети-инвалиды и их семьи могут свидетельствовать, что для них сформировано так называемое «специальное образование», что исключает их из общего образования со всеми. Отказ от обычных, повседневных отношений, возникающих между теми, кто физически полноценен, и людьми, кто имеет определенные физические особенности, является нездоровым и неприемлемым.

У нас есть законодательство, которое позволяет органу образования для обозначения отдельной школы эффективно использовать процедуры посещаемости школы, чтобы заставить ребенка учиться в этом образовательном учреждении, а не в школе, которую он или она будут посещать, если они не имеют «особые потребности». Неспособность видеть инклюзивное образование в качестве основного вопроса прав человека создала ситуацию, когда не инвалиды приглашают людей с ограниченными возможностями войти в «их» мир как акт благотворительности, они не признают право народа быть неразделенным на основании физических различий. В современном мире люди сообщают громко и ясно: «Вы можете быть частью нашего мира, но с нашего позволения и только на наших условиях» [1]. Мы видим это, когда ребенок-инвалид имеет «разрешение» для посещения обычной школы или высшего учебного заведения.

Конвенции ООН, Стандартные правила и Саламанкская декларация говорят о силе международной поддержки для инклюзивного образования. Статья 3 Конвенции ООН говорится, что все действия и решения должны приниматься в наилучших интересах ребенка. Но, как отмечает Питер Ньюэлл, взрослый эгоизм является одним из основных препятствий на пути включения детей с ограниченными возможностями осуществлять свои полные права человека. Есть некоторые взрослые, утверждает Питер Ньюэлл, которые «сохраняют в защите статус-кво, часто используя концепцию интересов ребенка, которая часто неправильно толкуется» [6].

Некоторые родители и специалисты продолжают убеждать себя, что сегрегация в специальных школах происходит в «интересах» таких детей. Томас Хаммарберг разделяет эти опасения, подчеркнув, что ст.3 Конвенции о соблюдении принципа «наилучших интересов ребенка» должна приниматься в сочетании со ст. 12, которая утверждает право ребенка выражать свое мнение в любом вопросе, затрагивающих его интересы. В противном случае, считает он, ст. 3 будет интерпретироваться как позволение взрослым принимать решения от имени ребенка, независимо от собственных взглядов данного ребенка. Сочетание этих двух статей имеет решающее значение при повторном рассмотрении политики и планов для развития инклюзивного образования.

Конвенция ООН также подчеркивает ответственность родителей за благополучие своих детей, за заботу о них, но большее внимание уделяется родительским правам, закрепленных в законодательстве об образовании, за счет интересов детей и их прав, особенно права быть услышанным и чтобы их мнение учитывалось.

Политика в области образования утверждает принцип соблюдения прав родителей, а не детей, которые получают права на участие и принятие решений. Здесь можно утверждать о прямом нарушении ст. 12 Конвенции, когда мнение детей принимается во внимание при

принятии решений в таких ключевых областях, как выбор школы, специальные оценки образовательных потребностей, размещения или исключения [3].

Конечно, большинство родителей активно работают в интересах своих детей, но не все это делают, права детей не заканчиваются на пороге родного дома. «Выбор родителей» был возведен в качестве искусственного принципа и с учетом правового статуса как средства содействия сегрегации и ситуации, которая совершенно недопустима.

Культура большинства государств, как правило, не ценит детей и детские точки зрения очень высоко. Убеждение, что «дети должны быть замечены, но не услышаны», имеет свои истоки в викторианской эпохе. Тем не менее, в ст. 12 Конвенции ООН говорится о праве детей выразить себя, свои мнения и взгляды.

Одной из основных причин сохраняющейся дискриминации и сегрегации детей и взрослых с ограниченными физическими возможностями является способ определения инвалидности. Определяя себя как «нормальных», люди без инвалидности подразумевают, что есть те, кто «ненормален». Как Тони Бут, старший преподаватель Открытого университета, утверждает: «Мы должны бросить вызов идеи внутри себя о нормальности тела и ума и избавиться от тирании нормальности» [7]. Но это непростая задача. Он добавляет: «Чтобы по-настоящему взять на борт понятия равенства и единства, мы должны сделать глубокие переключатели в нашем мышлении». Саламанкская рамочная программа действий подчеркнула важность бережного отношения к разнообразию, предполагая, что «человеческие различия – это норма», и предлагает, что системы общего образования признают это, приспособившись к индивидуальным потребностям детей: «Каждый ребенок имеет уникальные характеристики, интересы, способности и учебные потребности» [7].

Инклюзивное образование предполагает принципиальное переосмысление смысла и цели образования для всех детей и молодых людей, реструктуризации обычных школ и образовательных учреждений всех типов. Большинство необходимых изменений не относится исключительно к включению детей с особыми образовательными потребностями в общую схему образования. Они являются частью более широкой реформы образования. Образование для лиц с ограниченными возможностями должно составлять неотъемлемую часть национального образовательного планирования, разработки учебных программ и организации учебного процесса.

Инклюзивное образование не может рассматриваться в отрыве от образования в целом. Принцип инклюзивности поднимает фундаментальные вопросы о природе и цели нашей системы образования и части, которую школы/университеты играют в жизни общества. Образовательные учреждения не существуют в вакууме – они являются частью более широкого сообщества и общественной жизни. Есть те, кто утверждают, что роль школы/университета – исключительно привить навыки обучения у детей, а в ст. 29 Конвенции ООН предлагается несколько более широкая перспектива. Образование, указывается в статье, должно быть «направлено на развитие личности и талантов ребенка, его умственных и физических способностей ребенка в их самом полном объеме» [5], но также должны быть «укрепление уважения основных прав человека и воспитание уважения к культурным и национальным ценностям ребенка и других людей».

Как говорит Томас Хаммарберг: «Если вы объедините право детей-инвалидов на активное участие в обществе, закрепленное в ст. 23, с максимально возможной социальной интеграцией с типом образования, описанным в ст. 29, логически вытекает, что мы стремимся к инклюзивной школе, где есть место для всех и образования такового, что приветствуется каждый» [4].

В стремлении развивать инклюзивное образование есть опасность рассматривать его только как проблему для людей с ограниченными возможностями и их сторонников, а не что-то, касающееся всех. По мнению Питера Ньюэлла, «это принципиальный вопрос для всех людей: право не подвергаться дискриминации и сегрегации по признаку

индивидуальных различий» [8]. Это социальная проблема, требующая участия и заинтересованности со стороны всего сообщества.

Саламанкская декларация напоминает нам, если мы хотим иметь инклюзивные образовательные учреждения, которые способствуют равным возможностям, и участие в этом, то «необходимы согласованные усилия не только со стороны педагогов и сотрудников, но и со стороны сверстников, родителей, семей и добровольцев» [1].

Инклюзивная школа только одна часть головоломки, элемент инклюзивного общества. Но это краеугольный камень в создании инклюзивных сообществ. Как говорится в Саламанкской декларации: «Заслуга таких [инклюзивных] школ не только в том, что они способны обеспечить качественное образование для всех детей; их создание является важным шагом в содействии изменению дискриминационных подходов, в создании благоприятной атмосферы в обществе и в развитии инклюзивного общества».

Литература:

1. Ainscow M., Booth T., Dyson A., Farrell P., Frankham J., Gallannaugh F., Howes A. & Smith R. (2006a). *Improving Schools, Developing Inclusion*. – London: Routledge.
2. Booth T. & Ainscow M. (1998). *From Them to Us: An International Study of Inclusion in Education*. – London: Routledge.
3. Centre for Studies on Inclusive Education (CSIE) (2002). *Defining Inclusion*. Bristol, CSIE. Available at <http://www.csie.org.uk/inclusion/index.shtml>. – [Дата доступа: 22.01.2015].
4. DAWN (2009). *Dawn Handbook: Teaching Students with Disabilities: Guidelines for Academic Staff*. NAIRTL: Cork.
5. Farrell P. & Ainscow M. (2002). *Making Special Education Inclusive: From Research to Practice*. – London: David Fulton Publishers.
6. Frederickson N. & Cline T. (2002). *Special Educational Needs, Inclusion and Diversity: A Textbook*. – Berkshire: Open University Press.
7. Norwich B. (2008). Dilemmas of Difference, inclusion and disability: international perspectives on placement, *European Journal of Special Needs Education*. – Vol. 23, – No. 4. – P. 287-304.
8. Pijl S., Meijer C. & Hegarty S. (Eds.) (1997). *Inclusive Education: A Global Agenda*. – London: Routledge.